

административно-силовыми механизмами управления, экстенсивными методами хозяйствования и значительной ролью трудового принуждения.

И.В. Ильиных
Нижний Тагил

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА В ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ ПО ВЫБОРАМ В ГОРОДСКИЕ СОВЕТЫ В 1929 Г.

На рубеже 1920–1930-х гг. на Урале складываются новые правила «политической игры», в рамках которых население было вынуждено выбирать стратегии позитивного взаимодействия с властью, нивелируя как прежний опыт тактик сопротивления, характерный для революционной эпохи, так и адаптационные модели первого десятилетия советской власти.

В качестве вариантов проявления обязательной политической активности властью предлагались следующие модели включения граждан в политическое пространство: вступление в Коммунистическую партию; работа в профсоюзных, комсомольских и общественных организациях; деятельность в составе городских Советов депутатов и депутатских групп на предприятиях, советских групп содействия; участие в «выдвиженческих» кампаниях.

Одной из наиболее распространенных и доступных форм проявления политической активности было участие в работе городских и сельских Советов рабочих и крестьянских депутатов и их исполнительных комитетах, которые не только являлись прямым инструментом реализации на местах принятых центральной властью решений, но и аккумулировали значительную часть обязанностей по осуществлению принятого курса.

8 февраля 1928 г. ЦИК СССР издал «Основные положения об образовании в Союзе ССР городских Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Новая директива, уточняя аналогичное положение от 7 декабря 1925 г., предписывавшее организовывать городские Советы не только в тех городах, население которых насчитывало свыше 10 000 жителей, но и во всех населенных пунктах городского типа и рабочих поселках, закрепляла за горсоветами все предприятия, строения, земли, входящие в пределы городской черты и подтверждала функции этого органа, касающиеся утверждения бюджета и отчета о его исполнении, избрания делегатов на съезды Советов, решения вопросов жизнедеятельности города, проблем заключения займов. Данный документ существенно повышал авторитет Советов и поддерживал интерес к работе в их составе как одной из форм реализации кампании по «призыву во власть».

Для сохранения представления о «советской демократии», при которой каждый человек мог реально влиять на процесс управления государством, власть проводила широкомасштабные акции по легитимизации деятельности Советов и изменению стратегий поведения жителей городов и заводских поселков с пассивных на активные.

Согласно Постановлению ЦИК СНК СССР от 26 сентября 1928 г. «О перевыборах Советов» и Президиума Уральского областного исполнительного комитета (решение от 3 октября 1928 г.), отчетно-перевыборная кампания состояла из двух этапов: отчетный период (с октября 1928 г. по январь 1929 г.) и избирательный период (январь-апрель 1929 г.).³⁰⁸

На первом этапе необходимо было «политизировать» городских жителей, закрепить их готовность активно участвовать в отчетно-перевыборных собраниях. Главным критерием при организации этого этапа была массовость, которая, как отмечает О.Ю. Винниченко, являлась основным условием реализации идеологических функций выборов, в ходе которых все граждане становились соучастниками в создании

³⁰⁸ СЗ СССР. 1928. №61.С.354; Сборник руководящих материалов к перевыборной кампании советов по Уральской области. Свердловск, 1928.

политической фикции, мнимой действительности, которая, благодаря участию в ней громадных масс, приобретала черты реальности.³⁰⁹

Традиционная роль информатора и организатора масс в рамках избирательных мероприятий отводилась прессе. Лидерами по количеству заметок, публикуемых для активизации отчетно-выборных кампаний, являлись местные издания. Через печать организовывались соревнования-перекички по активизации «избирательных масс». Горизбиркомы принимали не только «внутриобластные» вызовы по организации 100% явки населения, но и вызовы избирательных комиссий Ленинграда и Москвы.³¹⁰ Фактор соревновательности, действовавший наряду с другими, в сочетании с материальным стимулированием (за победу в конкурсе были обещаны премии, радиоприемники и т.д.) давал ощутимые результаты.

К организации кампании активно привлекалась молодежь. Из комсомольцев, по инициативе Н.И.Бухарина, создавались отряды «легкой кавалерии», которые ставили своей задачей проверку и активизацию участия в кампаниях отдельных организаций, оказывали помощь в распространении повесток избирателям.³¹¹ В районах с этими целями организовывались группы «синеглазников», «красной рубашки», проводились карнавалы, демонстрации, ложные пробеги с агитационными материалами (листовками, плакатами, лозунгами). Представители местных советских органов стремились создать во время перевыборных кампаний атмосферу праздника и всеобщей сплоченности, используя для этого традиционные элементы русской праздничной культуры.

Во всех городах и заводских поселках Уральской области в дни перевыборной кампании украшались здания, для создания праздничного настроения «пилась» музыка. Например, по воспоминаниям рабочих Баранчинского завода, «в первом корпусе после работы заиграл оркестр, бодрые звуки марша заставляли рабочих идти на перевыборные собрания. Комсомольцы заранее рассчитали, что звуки музыки не смогут охватить все цеха, поэтому они достали баян и с ним пошли в электрический цех. Организовали там пляску и, увлекшись молодым задором, старики также пустились в пляс».³¹² Повсеместно проводились факельные шествия, комсомольские, городские, школьные, физкультурные демонстрации.

Несмотря на предпринятые шаги, население региона в большинстве оставалось политически пассивным, прежде всего, в отношении личного участия в работе местных органов власти.

Этот феномен особенно четко проявлялся на втором этапе кампании по организации выборов в Советы, в качестве характерной особенности которого стоит отметить типичный «поведенческий диалог» власти и населения: органы партийной и советской власти «созывали», а народ — не желал идти. Рабкоры местных печатных изданий часто акцентировали внимание читателей на массовых случаях срыва собраний. Тагильчанин Радионов в традиционной рабкорской манере описывал типичный для Нижнего Тагила случай: «В клубе «Металлист» на собрании к назначенному времени, 12 часам, был «полный кворум»: докладчик от Горсовета, я и сторож клуба. Через час подошло еще 3 — 4 человека, которые, не дождавшись собрания, были вынуждены уйти, ругая организаторов».³¹³

Массовость и типичность подобных случаев была обусловлена постепенным формированием в сознании городского населения Урала представления о декоративности Советов, что объяснялось рядом обстоятельств и, прежде всего, трансформацией самой советской управленческой политики. Как отмечалось в материалах информационного

³⁰⁹ Винниченко О.Ю. Советы Урала в механизме тоталитарного государства. 1929-1941. — Курган, 2001. — С.88.

³¹⁰ Там же. С.99.

³¹¹ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-245. Оп. 1. Д. 293. Л. 21.

³¹² Там же. Л. 21.

³¹³ Рабочий. 1928. 21 марта. №68. (660).

отдела ЦК ВКП(б) «О работе городских Советов депутатов», «низовые партийные организации в практической работе подмяли собой Советы, выполняя их функции».³¹⁴

Во-вторых, в работе Советов были существенные недостатки, отмечаемые населением в прениях на отчетно-выборных собраниях. К наиболее частным относились: неоперативное реагирование на политические события, о котором красноречиво говорят заголовки газет («Важнейшие политические кампании проходят без участия Советов», «Обращение ЦК от 3 сентября Пленум горисполкома обсудил спустя 44 дня»)³¹⁵, отсутствие четко организованного управленческого аппарата, частая сменяемость председателей Советов и текучесть кадров. В этих условиях ответственность за выполнение решений делилась между всеми, что приводило к полной потере контроля за выполнением принятых постановлений, формированию феномена «коллективной безответственности».

Возникновение представления о «декоративности» Советов было также обусловлено недостаточным пониманием депутатами собственной компетенции. Как отмечал, один из них, П.А. Лебедев: «Мы все в Совете очень заняты, только непонятно чем». Немаловажным фактором было пассивное поведение народных избранников. По замечанию члена Тагильского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов Чулкова, высказанного в прениях на заседании Пленума, избранные активисты и выдвиженцы «ничего не делают, говоря: нам деньги платят, и ладно».³¹⁶

Другой причиной «неоправдания возложенных на них обязанностей», по мнению того же депутата, являлся случайный подбор работников, когда в деятельности представительных органов принимали участие люди, не имеющие профессиональных и личностных качеств, позволяющих эффективно выполнять депутатские функции.

Участие в работе секций Совета являлось прямой обязанностью депутатов, но именно игнорирование этой функции (непосещение заседаний, пассивное присутствие при обсуждениях) служило наиболее распространенной причиной критики работы Советов. С данным массовым явлением пытались бороться посредством оглашения списков «злостных прогульщиков» в средствах массовой информации и внедрением систематических отчетов депутатов перед избирателями. Но зачастую эти меры, приводившие к отзыву депутатов, оказывались недостаточно действенными. Причиной отзыва депутатов, в основном, являлся моральный облик народных избранников. На отчетных собраниях часто звучало мнение, что «депутаты городских Советов таковы, каких не должно быть в советской действительности, поскольку среди них процветают пьянки и произвол».³¹⁷ Следующей распространенной причиной отвода депутатов являлось неприятие мер к выполнению наказа избирателей.

Распространение представления о «декоративности» Советов существенно снижало избирательную активность населения, которая по-разному определялась в статистических и аналитических источниках. В материалах к отчету правительства на V съезде Советов при подведении итогов отчетно-перевыборной кампании 1929 г. отмечалось, что в избирательной кампании приняло участие 73,3% населения страны.³¹⁸

Несколько отличаются данные Т.П. Коржихиной, по мнению которой в общероссийском масштабе показатель избирательной активности при выборах в Советы в 1929 г. вырос на 30,5% по сравнению с 1927 г. и составил 79,6%.³¹⁹ Этот показатель, несмотря на формализм участия в выборах, являлся свидетельством достаточно высокой

³¹⁴ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 9. Оп. 1. Д. 1146. Л. 258.

³¹⁵ Рабочий. 1930. 19 октября. №-273 (434).

³¹⁶ Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА). Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 99. Л. 94.

³¹⁷ НТГИА. Ф. Р-70. Оп. 2. Д. 225. Л. 78.

³¹⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 3316. Оп. 11. Д. 32. Л. 121.

³¹⁹ Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М., 1986. – С.160.

эффективности отчетно-перевыборной кампании 1929 г. как средства политической мобилизации населения в условиях смены стратегии развития страны.

Сопоставляя общесоюзный уровень избирательной активности населения с данными региональных источников можно констатировать соотносимость общесоюзных и региональных показателей по выборам 1929 г., но значительно меньший рост избирательной активности на Урале в 1929 г. по сравнению с коэффициентом роста активности в 1927 г. и предыдущего периода.

Согласно сводке Уральского областного комитета ВКП(б) об итогах перевыборной кампании на Урале, по окружным городам Уральской области избирательная активность населения составила 88,5% (в избирательную кампанию 1927 г. – 60,0%), при этом число женщин составило 81,1% (на 29,5% больше по сравнению с 1927 г.).³²⁰ По районным городам, включенным в сводку Уральского областного комитета ВКП(б) об итогах перевыборной кампании на Урале, избирательная активность населения составила 75,7% (в 1927 г. – 57,5%). Явка женщин на отчетно-перевыборные собрания составила 68,8% (в 1927 г. – 47%).

В целом, материалы сводки позволяют говорить о более высокой избирательной активности жителей крупных окружных городов, где не только на более высоком уровне были организованы отчетно-избирательные кампании, но и население, рост которого шел за счет активной переселенческой политики, оказавшись оторванным от привычного жизненного окружения, испытывало зависимость от власти, было вынуждено проявлять большую мобильность, демонстрируя политическую лояльность, активность и благонадежность.

Как отмечают С.П.Постников и М.А.Фельдман, основная масса новых рабочих оказалась в городских поселениях вне привычного уклада жизни, на положении маргиналов. Закрытие церквей, мест религиозных культов, отсутствие привычки к городской жизни; неблагоустроенность жилья и социальной сферы затрудняли приобщение к культурным ценностям. Отсутствие у большинства из них собственного хозяйства и жилья делало рабочих более зависимыми от государства, чем местные жители, и, как следствие, более послушными.³²¹

Значительный уровень избирательной активности населения был обусловлен рядом обстоятельств: страхом лишиться того минимума прав и социальных гарантий, которые обеспечивала политическая лояльность; формированием психологии «наемника», зависимого от государства; ростом уровня организации перевыборных кампаний, усилением идеологического давления на избирателя.

Необходимо разграничить два показателя – политическая активность и политическая лояльность. Население было вынуждено ходить на перевыборные собрания, поскольку игнорирование этого компонента проявления лояльности к власти означало нарушение правил политической игры и грозило «провинившемуся» репрессиями, потерей определенных прав и привилегий, но при этом у гражданина оставалось право внутренней политической пассивности и возможности ее проявления в другом контексте. Начиная с рубежа 1929 – 1930-х гг. при характеристике массового сознания уральцев мы можем констатировать формирование нового типа гражданина, видимая активность которого не соответствовала внутренней политической пассивности, что известно в науке как парадокс ла Пьера (несоответствие мнения (внутреннего, не выраженного суждения и внешнего поведения).³²²

Оценивая причины общественной пассивности, стоит отметить и сохранение у населения части городов и особенно заводских поселков, связи с землей, элементов психологии горнозаводских рабочих: не только традиционного представления о характере

³²⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 417. Л. 90.

³²¹ Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941 гг.). – Екатеринбург, 2006. – С.345.

³²² Винниченко О.Ю. Указ. соч. – С.97.

участия в политической жизни, но и «инстинкта невмешательства» в государственное управление, «зацикленность» на индивидуальных повседневных проблемах. Именно традиционный уклад жизни уральских рабочих существенно скорректировал их общественную позицию.³²³

На степень политической поддержки и участия населения в массовых избирательных кампаниях существенно повлияло сохранение специфики «горнозаводской» модели управления. Инструкторы окружных исполнительных комитетов Советов рабочих и крестьянских депутатов отмечали «своеобразие экономико-бытовых условий труда в горнозаводских районах, где заводоуправление обычно само обслуживало основные пункты [нужд – И.И.] рабочих: коммунальные потребности (жилища, дрова) и здравоохранение, поэтому рабочие за власть больше почитали заводоуправление, чем Совет».³²⁴ Подобная ситуация снижала активность населения при выборах в Советы и корректировала его отношение к этим учреждениям как в большей степени формально-декоративным органам.

В целом же, не смотря на ряд факторов, снижающих политическую активность населения, мы можем констатировать, что в новых социально-экономических условиях проявление политической лояльности по отношению к власти становилось обязательным элементом социальных практик населения, что было необходимо как партийно-государственному руководству страны для реализации курса форсированной модернизации, так и самим городским жителям для выживания в новых жизненных условиях. На рубеже 1920–1930-х гг., в ситуации, когда государство играло определяющую роль в общественной и частной жизни каждого гражданина, регулируя все стороны жизнедеятельности, «политический активизм» воспринимался и использовался населением как одна из возможных стратегий приспособления, выживания и продвижения в существующих политических и социально-экономических условиях.

Для популяризации деятельности городских Советов депутатов как одной из основных форм поддержания представления о «советской демократии» и партийно-государственное руководство задействовало весь ресурсный потенциал агитационно-пропагандистского аппарата. Именно масштабный идеологический прессинг в сложных жизненных социально-экономических условиях обусловил выбор частью городского населения стратегии «выдвижения во власть», с которой городские жители связывали жизненные перспективы, изменение статуса и повышение уровня благосостояния.

Ю.В. Казанцева, С.П. Постников

Екатеринбург

БИБЛИОТЕКИ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ УРАЛЬЦЕВ

В 1920-е гг.

В начале XX в. чтение стало важным видом досуга для многих жителей Урала. Этому способствовали рост грамотности населения, развитие сети начального и среднего образования, модернизационные процессы в ходе перехода от традиционного к индустриальному обществу.

История библиотечного дела в России нашла определенное отражение в трудах исследователей как в рамках страны в целом, так и Урала в частности.³²⁵ Однако в

³²³ Бехтерева Л.Н. Опыт реконструкции психологии рабочих Ижевских заводов Удмуртии 1920-х гг. // Отечественная история. – 2000. – №2; Фельдман М.А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). – Екатеринбург, 2001.

³²⁴ Государственный архив Пермской области (ГАПО). Ф. Р-122. Оп. 1. Д. 1192. Л. 165.

³²⁵ См.: Шапошников А.Е. История чтения и читателя в России (IX – XX вв.). М., 2001; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920 – 1937 гг.). Свердловск, 1970. С. 159–168; Гомельская С.З. Из истории Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского (1917–1931 гг.). Екатеринбург, 1999; Артамонова С.С. и др. Библиотеки // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 84–86; и др.